

УДК 323
ББК 66.3(0)

DOI 10.22394/1682-2358-2021-1-12-21

D.N. Nechaev, Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Humanities and Social Disciplines Department, Voronezh Branch of Plekhanov Russian University of Economics

O.V. Leonova, Candidate of Sciences (Economics), Acting Deputy Director of the Central Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

**MEMORIAL CULTURE
AND POLITICAL
MYTHOLOGY:
POLITICS OF MEMORY
IN THE SPHERE
OF PUBLIC
ADMINISTRATION
IN RUSSIA
AND
POST-SOVIET STATES**

The authors suggest and substantiate a typology of the state policy of remembrance implemented in post-Soviet States: the policy based on the principles of historicism, mythology domination, hybrid policy. Approaches to scientific state institutions activities in the field of modern history, as well as practices of civil society and state institutions functioning in the educational policy are analyzed.

Key words and word-combinations: memory policy, state policy, post-Soviet states, historical memory, memorial culture, political mythology.

Д.Н. Нечаев, доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (email: nechaevpolitia@rambler.ru)

О.В. Леонова, кандидат экономических наук, и.о. заместителя директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: oks980@rambler.ru)

**МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МИФОЛОГИЯ:
ПОЛИТИКА ПАМЯТИ
В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ
И ГОСУДАРСТВ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Аннотация. Предложена и обоснована типология государственной политики памяти, реализуемая в постсоветских государствах: политика, базирующаяся на принципах историзма, политика доминирования мифологий, гибридная политика. Анализируются подходы к деятельности научных государственных учреждений в сфере современной истории, практики функционирования институтов государства и гражданского общества в образовательной политике.

Ключевые слова и словосочетания: политика памяти, государственная политика, постсоветские государства, историческая память, мемориальная культура, политическая мифология.

В период 1990–2000-х годов в постсоветских государствах была актуализирована ценностно-символическая основа государственного управления и государственной политики. Актуальность данной проблематики базируется на трех ключевых аспектах. Во-первых, ценности, смыслы и символы, места памяти и акты коммеморации выдвигаются на передний план в государственной политике стран постсоветского пространства и становятся значимыми элементами в процессах оформления этнической и государственно-гражданской идентичностей. Во-вторых, данный ракурс исследования проблем актуален потому, что государственная политика памяти, реализуемая в гуманитарной сфере новыми государствами, является наиболее эффективной в части подтверждения легитимности функционирующей власти. Государственная власть посредством политики памяти обеспечивает преемственность прошлого с настоящим и настоящего с прогнозируемым будущим. В-третьих, политика памяти может дать необходимый эффект в плане стабильности и устойчивости политий, если в политических практиках государственных институтов будет доминировать принцип историзма в трактовке событий прошлого, а не превалирование политической мифологии над объективными фактами, дающей лишь временный результат.

2000-е годы стали временем острых вызовов национальным государствам в различных сферах: социальной, политической, экономической. Не менее сложный в эпоху метамодернизма вызов истории политий, на базе которой формируется и гражданско-государственная идентичность. Именно с метамодернизмом, как полагают западные политологи Р. Ванн дер Аккер и Т. Вермюлен, связан концепт «поворот в Истории», который определяет и политический дискурс, и продукты культуры. Данный глубинный поворот предполагает стремление политических акторов на общенациональном и глобальном уровнях, во-первых, «поправить» историю либо придать ей другую ценностно-символическую форму; во-вторых, отклонить ее от прямой, то есть от логического изложения хронологии времени и хроники эволюционного прогресса, в сторону других телеологических нарративов [1, с. 41].

Таким образом, история национальных государств и всемирная история в целом становится объектом пересмотра. Итогом подобного «поворота Истории» может стать деление народов на «правильные» и «неправильные»; на «правильные» и «неправильные» страны и цивилизации. Тогда логично возникает вопрос, как найти в спорах и дискуссиях сторон правду, если, конечно, не брать во внимание тезис профессора Лондонской школы экономики К. Коукера, что в русской традиции, в отличие от западной, категория «правды» имеет два совершенно разных понятия: истины и справедливости [2, с. 226]. В связи с этим, чтобы не попасть в «неправильные» народы и «неправильные» страны, авторы данной научной статьи полагают, что в современной России должна реализовываться политика памяти, затрагивающая не только политику образования и воспитания, но и социально-гуманитарную сферу.

В данном разрезе поворота в Истории не менее важным аспектом проблемы является трактовка событий прошлого исторической России (Российской империи, СССР, Российской Федерации) в четырнадцати новых государствах постсоветского пространства, которые имеют общую историю и которые вовлечены в глобальные процессы перемен в репрезентации прошедшего времени. В исследуемом ракурсе авторы данного исследования не только акцентируют внимание на острой борьбе за интерпретацию исторических событий на постсоветском пространстве, оформляющуюся в антагонизм, но и типологизируют политику памяти бывших союзных республик СССР, разделяя их на три основные группы. Авторы считают необходимым опираться в понимании исторического времени и репрезентации прошлого на следующие концепты и теории: «историческая память», «мемориальная культура», «места памяти», с одной стороны; и «политическая мифология», «постправда», «ресенсимент», с другой стороны.

Современное представление событий прошлого, как, к примеру, и избрание политиков в органы власти посредством электоральных кампаний, базируется на теории политической репрезентации. В ракурсе данного концепта голландский профессор университета Гронингена Ф. Анкерсмит в репрезентации истории видит политическое действие, причем осмысленное, институтов и акторов, с четким акцентированием политических и этических смыслов (идеалов) в политических практиках [3, с. 10]. Политический философ и историк Ф. Анкерсмит в своих исследованиях детально разбирает суть двух подходов к политической репрезентации, а именно миметическую и эстетическую теорию представления прошлого [4].

В ракурсе миметического подхода в репрезентации исторических событий предстает, по нашим оценкам, достаточно объективной и жестко реалистичной картиной прошлого в миниатюре. Определенным антагонизмом миметического подхода к репрезентации прошедших событий является эстетический подход исторических интерпретаций и эстетическая политика рефлексий по поводу фактов и личностей, привязанных к определенной территории. Фактически же, в аспекте эстетической политики памяти, существует дихотомия между отретушированными фотографиями истории и реалистичными событиями прошлого.

В рамках рабочей гипотезы исследования авторами высказано предположение о том, что репрезентация прошлого и реализуемая политика памяти в постсоветских государствах осуществляется посредством миметической и эстетической теории осмысление и фиксация исторических событий. Для Российской Федерации, ее государственных институтов и учреждений в репрезентации истории и политике памяти сделана ставка на историзм. Эта политика в большей степени коррелирует с отражением событий в рамках концепта «исторической памяти», «мемориальной культуры», «мест памяти». И, как представляется, на постсоветском пространстве исторические исследования российских историков по отраже-

нию событий XX и XXI вв. в большей мере соответствуют историческим реалиям, подкрепленным авторитетом исторической науки.

На трактовку же событий прошлого в государствах постсоветского пространства (Украина, Грузия, прибалтийские республики, Молдова, Киргизия, Армения, Узбекистан) оказывает существенное влияние политическая мифология. Она не только по-своему обрамляет исторические факты и личности, поскольку данные конструкты лучше всего описаны и поданы в публичное пространство в мифологических образах [5, с. 115], но и определяет процесс оформления этнической и гражданско-государственной идентичности этих стран. Эстетическая репрезентации истории государств совпадает также с избирательным подходом в трактовке событий, с индоктринацией отдельных и знаковых фактов. Кроме того, политическое мифотворчество педалируют в научный и прикладной дискус акторы современного политического процесса.

Для ряда стран, бывших республик Советского Союза (Белоруссия, Казахстан, Азербайджан) характерен гибридный подход с более «спокойной» интерпретацией событий прошлого, включая острые периоды XX и XIX вв. Представители научного сообщества историков и правящего слоя (политической элиты) по ряду событий инициируют научный дискурс со стремлением выяснить истину. Отметим также, что память о ряде исторических конфликтов эмоционально сильна у так называемых «пострадавших» государств и этносов — как новых политий, так и воссозданных, что неизбежно приводит к ренсименту. К сильным эмоциям и возможным действиям, которые, по мнению М. Шелера, базируются на интенсивном переживании (эмоциональной ответной реакции), относятся послы враждебности, мести, имеющие жестко негативный и деструктивный характер [6, с. 10].

Немаловажное значение в предпринятом исследовании имеет и проблематика исторических рефлексий. Французский историк, профессор Высшей школы социальных наук Ф. Артог в политологическом ключе сравнения европейского опыта восприятия мира и опыта ощущения времени другими народами типологизировал типы исторических рефлексий [7], которые соответствуют определенному темпоральному континууму. Первая рефлексия представляет собой формулу о том, что история является учителем жизни (до 1780—1790-х годов). Вторая рефлексия — жизнь определяет прогресс, поскольку прошлое определено будущим (с 1800-х до начала 1980-х годов). Современная историческая рефлексия основывается на идее политического рационализма, рационализма: прошлое определяется настоящим, или «будущее прошлое», которое задает тренды и нарративы последующих научных исследований профессиональных историков. В своем труде Ф. Артог операционализировал тремя ключевыми регистрами: режимом историчности; универсальностью истории; категорией власти, влияющей на «будущее прошлое» [8, с. 266].

Несмотря на то что ключевая работа по проблематике исторической памяти французского социолога М. Хальбвакса (1877—1945) была издана

в 1925 г., реальный интерес к данному концепту как одному из способов политической репрезентации прошлого был проявлен лишь в конце XX в. Прежде в научном дискурсе ученые-историки операционализировали следующими понятиями: представление о прошлом; историческое знание; формирование исторического сознания. Концепт исторической памяти не заменил привычные научные категории дискурса профессионального сообщества историков, он параллельно институционализировался не только в исторической науке, но и в ряде других социальных наук. Данный концепт получил и свое политическое звучание. По мысли М. Хальбвакса, которая дает понимание сущности исторической памяти, «мы нагружаем общество частью его прошлого» [8].

В своей работе «Социальные рамки памяти» М. Хальбвакс выделял различие между памятью и традицией, на основе которых затем происходит документальная фиксация событий, получивших от него дефиниции «история» и «традиция». В последнем случае французский социолог видел нить преемственности с прошлым, вызовами сегодняшнего дня и политикой будущего, которая соответственно, укрепляет или разрушает традицию. Для исторической России были характерны повороты в Истории (концепт «непредсказуемого прошлого»), которые накладывали серьезный отпечаток на политику памяти, формирование гражданско-государственной идентичности и институционализации политической нации.

По оценке авторов, первый поворот (переписывание истории), разрушавший традицию, происходил после октябрьских событий 1917 г. и завершился выходом в 1938 г. Краткого очерка истории ВКП(б). Второй поворот (вторая половина 1980-х — 2007 г.) знаменовал собой не только пересмотр советской истории и традиции, но и интеграцию российской (советской) истории в западные научные концепты и подходы в оценке событий прошлого. Третий этап (с 2008 г. по настоящее время) представляет собой возвращение к традиции тысячелетней истории России, зафиксированной в поправках к Конституции РФ 2020 г. (преемственность в развитии Российского государства [9, с. 20]).

Современный американский историк П. Хаттон в ракурсе исследования исторической памяти внес значительный вклад в разработку мест памяти, или мнемотических мест (образы напоминают о значимых идеях, показывающих путь в прошлое [10, с. 66]). В связи с этим представляется, что мемориалы (к примеру, открытый в мае 2020 г. В.В. Путиным и А.Г. Лукашенко Ржевский мемориал Советскому солдату), памятники выдающимся полководцам и государственным деятелям становятся мнемотическими местами. Немаловажное значение, как считает П. Хаттон, имеет и политика коммеморации. На наш взгляд, наиболее ярким актом коммеморации является ежегодное шествие Бессмертного полка в России.

Политика коммеморации является также реакцией на историческое забвение событий и личностей общего исторического прошлого постсоветских

государств, на разрушение или трансформацию традиций. Есть основание считать, что акты коммеморации в современной России представляют собой ответные шаги ее общественных и государственных институтов на пересмотр итогов Великой Отечественной войны на части постсоветского пространства, на шествие нацистских коллаборационистов, на демонтаж памятников советским военачальникам на территории ряда республик бывшего СССР — в частности, в Прибалтике (И. Черняховскому), на Украине (Г. Жукову, Н. Ватутину), в Грузии (снос Мемориала воинской славы в Кутаиси).

Еще один концепт, который имеет научное и прикладное значение, это «политика памяти», в рамках которой работают и профессиональное сообщество историков, и государственные институты, и учреждения. Данный концепт соотносится к практике формирования идентичности (мировоззренческо-партийной, этнической, гражданско-государственной). Кроме того, политика памяти выходит на необходимость легитимации власти и в прошлом, и в будущем, в мобилизации социальных слоев и групп на решение проблем и задач настоящего, включая реакцию на внешние угрозы. Как отмечают отечественные исследователи проблематики исторической памяти И.М. Савельева и А.В. Полетаев, за историками в рамках политики памяти признается право и обязанность давать обществу и политическим деятелям уроки истории, а за политическими акторами закрепляется обязанность (право) извлекать эти уроки [11].

Именно таким образом формируется государственная политика в области образования и воспитания, научной деятельности и функционирования научно-исследовательских институтов в гуманитарной сфере. В связи с этим имеет смысл представить ряд событий и фактов, которые интегрированы в политику памяти, реализуемой в последние годы в постсоветской России. И так, в октябре 2020 г. в Музее истории прошел форум «История для будущего. Новый взгляд», где представителями государственных структур сформулирован императив по российскому подходу к истории, отечественному пониманию новых методов связи социального и духовного через призму истории.

К этому событию был приурочен выход шеститомника «Всемирная история», подготовленного сотрудниками Института всеобщей истории РАН (директор А.О. Чубарьян). В определенной мере это издание является ответом на «Историю цивилизаций», переиздаваемую в США. Данным научным учреждением совместно с Ассоциацией учителей истории и обществознания опубликовано 25 просветительских брошюр по «трудным» вопросам истории. С рядом постсоветских и постсоциалистических стран отечественными историками из академических учреждений созданы специальные комиссии по «трудным» вопросам исторической науки (причины Второй мировой войны, этнический коллаборационизм, окончание войны в 1945 г. и проблематика советской «оккупации», вклад народов в победу в Великой Отечественной войне).

Решающим шагом в политике памяти стало и голосование по ценнос-

тным поправкам в Конституции РФ, где зафиксировано, что умаление подвига народа при защите Отечества не допускается. После принятия поправок к Основному Закону страны была доработана законодательная и нормотворческая база, детализирующая внедрение в политические практики данных поправок. В частности, в дополнение к Федеральному закону «Об образовании» принят блок статей о воспитании подрастающего поколения. В рамках практик функционирования мнемонических мест посредством проекта «Культура» только в 2020 г. было открыто двадцать памятных мест, связанных с военной историей страны. Через российскую судебную систему были созданы и прецеденты по признанию расстрелов советских людей в годы Великой Отечественной войны геноцидом (деревня Жестяная Горка Ейского района Краснодарского края).

Отметим, что к проблематике исторической памяти обращаются не только профессиональные историки в России, но в других республиках бывшего СССР. Как и в Российской Федерации, политика памяти стала частью государственной политики и других государств постсоветского пространства. По ряду «трудных» вопросов Россия и часть иных постсоветских государств находится на прямо противоположных позициях. К примеру, в современной исторической науке Грузии и Армении, с одной стороны, и России, с другой стороны, существуют разные интерпретации вхождения закавказских государств в состав России. Между прибалтийскими государствами, Украиной и отчасти Молдовой с одной стороны и Россией с другой стороны имеются разные трактовки решающей роли Красной Армии и Советского Союза в победе над нацистской Германией и ее сателлитами. Однако именно в России политическая мифология в меньшей мере воздействует на историческую науку.

Для историка Я. Асмана историческая память — это «помнящая культура», основанная на формах обращенности к прошлому [12, с. 31]. Ученый в своих исследованиях выделяет две сущностные составляющие исторической памяти: индивидуальную и коллективную память, которые играют важную роль в построении культурных и политических идентичностей. Для постсоветских государств этот аспект имел чрезвычайно важное значение, поскольку давал шанс новым четырнадцати государствам на сохранение своей политики и обретение ею за счет символического прошлого устойчивости и стабильности в будущем. Следовательно, необходимо было произвести «перенастройку» истории исходя из интересов титульной нации, возвести новый пантеон героев и мнемонических мест, совершая с устойчивой периодичностью акты коммеморации.

Политолог А. Ассман в своих работах более детально, чем Я. Ассман, разрабатывает концепт коллективной памяти в государственной политике, выделяя критерии данной дефиниции: степень устойчивости памяти, ее обязательность для всех слоев и групп, широту охвата. При этом она обращает внимание на эффективность политики памяти, подчеркивая, что гарантией результативности в передаче коллективной памяти новым поко-

лениям будет запечатленность личностей и событий в музеях и памятниках, их отражение в школьных учебниках [13, с. 16]. Таким образом коллективная память обретет свойство ретранслировать в пространство и время смыслы, символы, ценности политической нации данного государства. Еще один принципиальный аспект — знаковый элемент данной публикации, является проблематика травматического прошлого, которое для титульных этносов национальных государств становится предметом экономического и политического торга со странами — соседями во внешней политике.

Как более широкая узловая историко-политическая проблема, обсуждаемая в научном дискурсе на постсоветском пространстве, представляется тема, связанная с пактом Молотова — Риббентропа, а также проблематика компаративного сравнения политических режимов гитлеризма и сталинизма, отраженных и в бинарной политологической теории Х. Арена [14]. Данная проблема по-разному воспринимается официальными доктринами в национальных государствах на постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы. Более того, по-разному интерпретируют данные аспекты исторического прошлого и большинство историков России, и историки прибалтийских республик (Литвы, Латвии, Эстонии), Украины, Молдавии.

Важно также обратить внимание на то, что для четырнадцати новых государств после 1991 г. историческая память стала важнейшим элементом национальной самоидентификации титульных этносов, формирования политической нации в постсоветских государствах. Особое значение в политике памяти, а также в самой исторической науке уделяется политической мифологии. Детально данный концепт глубоко и системно исследован в работах К. Леви-Строса, Б. Малиновского, Р. Барта, К. Флада.

В частности, политолог К. Флад рассматривает политический миф как идеологически маркированное повествование о прошлом, настоящем и прогнозируемом будущем [15, с. 43]. По оценке ученого, политическая мифология не тождественна истории, поскольку политический миф — это повествование, а история представляет собой логическую цепочку изложения событий. Р. Барт в своем исследовании «Мифология» в рамках семиотического подхода представляет механизмы и технологии формирования политических мифов как превращения истории в идеологию [16]. Исследователь типологизировал политическую мифологию в рамках трех уровней: архаико-традиционную мифологию, «новую» (к этому типу он относил советскую мифологию) и новейшую, искусственно сконструированную мифологию.

В 2006 г. в Грузии был открыт Музей советской оккупации (1921—1991), являющийся частью Национального музея. Избирательно подобранные документы музея раскрывают борьбу грузинских этнических движений, называемых повстанческими, с государственными и партийно-политическими структурами СССР. Особое место в музее отведено так называемым жертвам советского политического режима как элементам сакрально-травматического прошлого. В Латвии (Рига) и Эстонии (Тал-

линн) функционируют Музеи оккупации, а Литве (Вильнюс) — Музей геноцида, чьи экспонаты посвящены лишь деятельности НКВД. За отрицание оккупации (1940—1991) в прибалтийских государствах предусмотрена уголовная ответственность. Прибалтийские республики требуют за свое «травматическое» прошлое возмещение ущерба от России как правопреемницы СССР, что имеет отношение к ренсенсменту.

С 1991 г. политическое мифотворчество в научных исследованиях на Украине доминировало над историческими разработками. В рамках типологии политической мифологии это было, во-первых, конструирование, как правило, новейших мифов; во-вторых, политическая мифология осуществлялась в рамках идеи исторической жертвенности данного государственного образования (Украина-жертва). Наравне со «старым» мифом об «Украине-Руси» (равнозначное понятие — «Русь-Украина», введенное польским украинофилом П. Свеницким в конце XIX в.) в научном и политическом дискурсах появляется новый миф о голодоморе украинцев в 1932—1933 гг. — о геноциде определенного этноса по расовым, этническим или религиозным признакам.

Для осуществления государственной политики в сфере восстановления и сохранения национальной памяти в 2008 г. на Украине был создан Украинский институт национальной памяти (УИНП). Он имеет статус центрального органа исполнительной власти (с 2014 г. институт возглавляет В.М. Вятрович, бывший директор архива СБУ). При этом в стране функционирует и Национальная академия наук Украины (НАНУ) с профильными институтами. Как представляется, в исторической науке данного постсоветского государства сложилась линия противостояния «академик Петр Толочко — Владимир Вятрович», которые опираются на разные подходы в трактовке исторических событий и исторических деятелей. Как известно, П.П. Толочко — автор многих учебников и монографий по истории России и Украины, в том числе и концептуального исследования «Украина между Россией и Западом».

Изучая концепты исторической памяти и политической мифологии на постсоветском пространстве в отражении исторических событий и лидеров, в рамках ранее представленной гипотезы предлагаем следующие выводы.

Во-первых, миметическая теория репрезентации прошлого территорий постсоветского пространства в большей мере характерна для исторического сообщества и официальных доктрин России. Эта репрезентация более исторична и имеет большую устойчивость в среднесрочной и долгосрочной политической перспективе. Эстетическая теория репрезентации характерна для Украины, Грузии, Молдовы, Киргизии, прибалтийских республик, в которых интерпретация исторических событий связана с избирательным подходом, индоктринацией исторических фактов. Данный подход обеспечивает политический выигрыш сформировавшейся национальной элиты этих государств в краткосрочной и, как минимум, в среднесрочной политической перспективе.

Во-вторых, прослеживается четкая зависимость между политической нестабильностью ряда постсоветских государств (часть из которых — Молдову, Украину, Киргизию — можно отнести к категории *failed state*) и усилением роли политической мифологии в гуманитарной сфере в ущерб исторической объективности.

В-третьих, политические акторы на постсоветском пространстве активно используют историческую память и политическую мифологию в борьбе за власть внутри страны и на международном уровне, используя при этом технологии «постправды», когда объективные факты дают меньший эффект в публичной сфере, чем апелляция к эмоциям и личной вере. К примеру, политолог С. Фуллер рассматривает постправду в рамках теории циркуляции двух типов элит по В. Парето («львов» и «лис») и со строгим различием между видимостью и реальностью [17]. Ведь политический выигрыш в борьбе за историческое прошлое можно обеспечить либо путем быстрых изменений видимости (позиция «лис»), либо за счет стабилизации реальности (позиция «львов»).

Библиографический список

1. Аккер Р. ван дер, Вермюлен Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма* / пер. с англ. В.М. Липки; вступ. ст. А.В. Павлова. М., 2020.
2. Коукер К. Сумерки Запада / пер. с англ. А.А. Арзуманова. М., 2009.
3. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. М., 2012.
4. Анкерсмит, Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / пер. с англ. Д. Кралечкина / под ред. И. Борисовой. М., 2014.
5. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. 2-е изд. М., 2002.
6. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А.Н. Малинкина. СПб., 1999.
7. Артог Ф. Мировое время, история и написание истории // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэдкал.: У.Н. Сідарцоў, С.М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]*. Минск, 2007. Вып. 3. С. 13–23.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вст. ст. С.Н. Зенкина. М., 2007.
9. Конституция Российской Федерации с изменениями, внесенными на общероссийское голосование 1 июля 2020. М., 2020.
10. Хаттон П.Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб., 2003.
11. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // *Феномен прошлого* / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М., 2005. С. 170–220.
12. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004.
13. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2016.
14. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. London: Penguin Random House, 2017.
15. Флад К. Политический миф: Теоретическое исследование / пер. с англ. А. Георгиева. М., 2004.
16. Барт Р. Мифология. 5-е изд. / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М., 2019.
17. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина / под ред. А. Смирнова. М., 2021.